

DOI: 10.31857/S013038640020660-4

© 2023 г. **Н.Ю. КУДЕЯРОВА**

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МАССОВОЙ МИГРАЦИИ В ИТАЛИИ И ИСПАНИИ В XIX веке

Кудеярова Надежда Юрьевна — кандидат исторических наук, и.о. руководителя Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (Москва, Россия).

E-mail: n.kudayarova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208112976; ORCID: 0000-0002-6899-0763; Researcher ID: HCI-8497-2022

Аннотация. В статье анализируются причины массовой эмиграции из стран Южной Европы в XIX в., оказавшей сильное влияние на формирование современного состава населения ряда латиноамериканских стран. Исследование базируется на модели «притягивающих» и «выталкивающих» факторов миграции, предложенной Э. Ли, а также на модели взаимосвязи миграции и диверсификации занятости по секторам экономической активности Г. Кабреры, где моноотраслевая специализация занятости в регионе стимулирует исход населения. Несмотря на медленный демографический рост, запаздывающая индустриализация в Италии и Испании не могла обеспечить достаточную занятость в условиях избытка рабочих рук, возникшего в сельских районах. Качество рабочих мест в аграрных регионах не удовлетворяло потребностей занятых в этой сфере людей, провоцируя отток населения. Важное влияние на становление внутренней мобильности оказал разрыв между аграрным Югом и индустриализирующимся Севером, характерный для обеих стран. Политическая турбулентность — процесс объединения Италии, карлистские войны в Испании — также усиливала исход населения. Нерешенность аграрного вопроса, рост численности населения и отставание модернизации усиливали действие «выталкивающих» факторов. В то же время латиноамериканские государства проводили активную политику по привлечению мигрантов. Автор отмечает структурное сходство внутренних причин массовой миграции, но на основе статистических данных выделяет разнообразие географии выбранных направлений переселения. Крах Испанской империи привел к завершению колониального типа миграции, в наибольшей степени влиявший в обозначенный период на ситуацию на Кубе. Дальнейшую динамику определяли социально-экономические мотивы и политика принимающих государств, прежде всего Латинской Америки и США, в которых мигранты видели новые для себя возможности.

Ключевые слова: трансатлантическая миграция, социальная модернизация, демографический рост, Италия, Испания, мигранты, индустриализация.

N.Yu. Kudayarova

Social and Demographic Prerequisites for Mass Migration in Italy and Spain in the XIX Century

Nadezhda Kudayarova, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: n.kudayarova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208112976; ORCID: 0000-0002-6899-0763; Researcher ID: HCI-8497-2022

Abstract. In this study the author analyses the causes of mass emigration from Southern Europe in the nineteenth century, which had a profound influence on the formation of the modern composition of the population of several Latin American countries. The study is based on the push/pull migration

model proposed by Everett S. Lee, as well as on the model of interrelation of migration and employment diversification by sector of economic activity developed by Gustavo Cabrera, where the mono-industry specialisation of employment in a region stimulates the population outflow. Despite slow demographic growth, lagging industrialisation in Italy and Spain could not cope with the surplus labour force that emerged in the agrarian regions. The gap between the agrarian South and the industrialising North, characteristic of these two countries, had an important impact on the formation of internal mobility. Political upheavals – the unification of Italy, the dynastic confrontation in Spain – also increased the outflow of population. Unresolved agrarian issues, population growth and lagging modernisation increased the push-factor effect. The author notes the structural similarity of the internal causes of mass migration but, on the basis of statistical data, emphasises the geographical diversity of the resettlement areas chosen. The collapse of the Spanish Empire brought an end to the colonial type of migration, which had its greatest impact on the situation in Cuba in the period indicated. Further dynamics were determined by the socio-economic motivations and policies of the host countries, especially in Latin America and the USA, where migrants found new opportunities.

Keywords: transatlantic migration, social modernisation, demographic growth, Italy, Spain, migrants, industrialization.

Миграционные процессы между Европой и Америкой на протяжении пяти веков развивались с разной степенью интенсивности. В XIX в. трансатлантическая мобильность постепенно переходила от режима колониальных миграций к экономически обусловленной форме переселения. Однако это не повлияло на основной ресурс свободной мобильности – ключевым источником переселенцев оставалась Европа.

В статье ставится задача рассмотреть трансформации, которые произошли в странах Южной Европы в XIX в. и которые повлияли на активность трансатлантической миграции. Если в первой половине XIX в. молодые латиноамериканские государства еще не были притягательны для мигрантов, то во второй половине столетия синхронизация с «выталкивающими» факторами в Европе привела в движение сотни тысяч людей.

Одной из первых европейских мигрантов начала принимать Аргентина. С 1809 по 1915 г. ее население увеличилось в 13 раз (с 609 тыс. до 7,9 млн), а доля уроженцев других государств в начале XX в. составила 30%. Среди основных групп мигрантов выделялись итальянцы (в среднем в эти годы около 50%) и испанцы (30%). Выходцы из романоязычных стран в целом составляли свыше 85% всего переселенческого потока¹. В соседнюю Бразилию волна массовой миграции пришла позднее. В течение 15 лет после отмены рабства в 1888 г. в страну прибыли 1,6 млн человек, среди которых итальянцы составили около 60%, португальцы – 18%, а на третьем месте были испанцы – 12%². Таким образом, именно выходцы из стран Южной Европы сформировали основу переселенческой волны последней четверти XIX – начала XX в.

Модели миграции, основанные на двухчастной (push/pull) основе, предполагают, что экономическое и политическое давление в странах происхождения заставляет потенциальных эмигрантов оценивать перспективы «географической мобильности с позиции повышения социального и материального положения, расширения возможностей трудоустройства при одновременном снижении уязвимости перед лицом нищеты»³. Эта ставшая классической модель миграции американского социолога Эверетта Ли позволяла объяснить миграционное движение и интерпретировать причины миграции⁴. Факторы «выталкивания» можно рассмотреть с точки зрения социально-экономических категорий:

¹ La población de Argentina. CIGRED – INDEC, Serie Investigaciones Demográficas. Buenos Aires, 1975. № 1. P. 23, 60, 65; *Кудярова Н.Ю.* Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. 2017. № 2. С. 78.

² *Ferreira Levy M.S.* O papel da migração internacional na evolução da população brasileira (1872 a 1972) // Revista de Saúde Pública. 1974. Vol. 8. P. 71.

³ *Ribas Mateos N.* Una invitación a la sociología de las migraciones. Barcelona, 2004. P. 74.

⁴ *Lee E.* Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. P. 47–57.

демографического роста, безработицы, спроса и предложения на рынке малоквалифицированного труда, низкой заработной платы, нехватки земли, неурожая из-за климатических проблем и др. Классические объяснения внутренней и внешней миграции дают представление о контексте и динамике, но не проясняют должным образом социальных механизмов, приводящих к миграционному исходу. В этом ключе значительный интерес представляет подход мексиканского демографа Г. Кабреры, предложившего модель влияния неравномерности экономической специализации регионов на активность миграционного исхода их жителей. Он показал важность диверсификации занятости по секторам экономической активности. Так, моноотраслевая специализация работающего населения (с большой долей вероятности это будет сельское хозяйство) не может создать условия для благополучного развития региона и занятости людей. Следствием такой ситуации становится отток населения. В итоге доминирование аграрного сектора, сельскохозяйственная трудовая активность указывают на большой потенциал для интенсивной эмиграции⁵. Опираясь на обозначенные теоретические подходы, в статье ключевое внимание уделено факторам «выталкивания», а также влиянию структуры занятости населения на территориальную мобильность.

XIX столетие — «долгий век», в котором по-разному для промышленного центра и периферии Европы проявились тенденции социально-экономической модернизации. Причины массовой трансатлантической миграции нередко объясняют заметным демографическим ростом, наблюдавшимся в Европе. Но, согласно исследованию итальянского демографа М. Ливи Баччи, такая динамика не отличалась однородностью: в сравнении с Западной и Северной Европой рост численности населения в странах Средиземноморья был ниже. Так, с 1800 по 1900 г. население Англии и Голландии выросло в 3,5 и 2,4 раза соответственно, а Италии и Испании — в 1,8⁶. Представляется, что «выталкивающие» факторы не сводились исключительно к общему росту численности жителей стран. Если в индустриальных центрах избыток сельского населения активно поглощался растущей промышленностью, то на периферии, в средиземноморских странах и Португалии, важным механизмом амортизации излишков трудовых ресурсов становилась эмиграция. Недостаток земельных угодий в условиях быстрого прироста сельского населения создавал спрос на более доступную землю за океаном.

ИТАЛИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО МАССОВОГО ИСХОДА

В начале XIX в. Италия представляла собой территорию, раздробленную на восемь государств. Процесс объединения (Рисорджименто) охватил долгий период с 1815 по 1870 г. Ключевым событием стало образование единого итальянского государства в 1861 г. Объединение было сопряжено с расширением королевства Сардиния—Пьемонт на юг, военным противоборством с королевством Обеих Сицилий, борьбой с австрийским господством. Конфликты затрагивали политическое и экономическое устройство государств с различными подходами к организации политической власти, принципам владения землей, аграрному укладу и развитию производства.

Сельский уклад Юга способствовал усиленному демографическому росту в этой части полуострова. Однако более высокие темпы промышленного развития вели к экономическому доминированию северо-западных регионов, которые первыми вошли в процесс индустриализации⁷. Ряд авторов отмечал, что в процессе объединения при помощи таможенных тарифов в отношении промышленной и сельской продукции Юг был превращен

⁵ *Cabrera G. Especialización económica y movimientos migratorios en México: un estudio de diagnóstico a nivel de subregiones para el periodo 1950–1960 y 1960–1970 // Crecimiento de la población y cambio agrario. México, 1979. P. 254.*

⁶ *Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб., 2010. С. 18–19.*

⁷ *История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 135–136.*

в эксплуатируемую колонию Севера⁸. Общественная проекция существовавшей дистанции политического и экономического развития проявилась в движении меридионализма⁹.

Экономическая отсталость Юга поддерживалась устоявшейся структурой землевладения, основой которого был латифундизм. Значительная часть аграрных реформ XIX в. продолжалась недолго, а результаты недостаточны для социальной модернизации. Так, в 1866 г. в Италии конфисковали земельную собственность церкви и выставили ее на продажу. Большую ее часть купили крупные землевладельцы, а ранее существовавшие права крестьянства были отменены без компенсации¹⁰. Латифундисты господствовали в Южной Италии и Сицилии вплоть до XX в. В сельскохозяйственной экономике наследственное владение землей определяло политическую власть и статус человека¹¹. Границы между различными социальными группами были труднопреодолимы. В итоге многие бедные итальянцы практически не имели возможности улучшить свою жизнь.

Большая часть итальянских мужчин была занята в сельском хозяйстве (более 67%) и менее 20% были задействованы в промышленности. Значительную часть промышленных рабочих составляли женщины, занятые в текстильной промышленности и работающие на дому¹². Развитие промышленности медленно влияло на социально-профессиональную структуру общества: в 1911 г. 55% активного населения Италии все еще работало в сельском хозяйстве, 30% было занято в промышленности и на транспорте и лишь 5% – в торговле¹³.

Отсутствие социальной модернизации в южной Италии вело к ответной реакции в виде многочисленных вспышек разбоя в сельской местности. С одной стороны, это явление было вызвано бедностью крестьянства, с другой – как отмечали исследователи, рассматривалось как реакция против действий новых землевладельцев – буржуазных элементов в «древнем обществе Юга», как движение против правительства Пьемонта, которое ввело воинскую повинность. В итоге после образования единого государства два криминальных явления юга Италии – разбой и организованная преступность – укоренились в структуре сельской и земельной организаций¹⁴. Они существенно снижали уровень безопасности и сокращали социальные перспективы в этой части страны. Структурная экономическая отсталость южных регионов полуострова стала важным элементом фундамента для последовавшего миграционного исхода. Она способствовала перетеканию рабочих рук из сельскохозяйственных в промышленные районы, а развитие внутривосточной миграции закладывало основу для последующей массовой внешней миграции.

Принято считать, что главной причиной миграционной активности в XIX в. стал демографический рост. Увеличение численности населения было очевидным: если в 1800 г. население итальянских государств составляло 17,8 млн, то в 1900 г. – 33,8 млн¹⁵. В течение столетия оно выросло на 90%, т.е. фактически удвоилось. Как и в других европейских странах, демографическая динамика в Италии во второй половине XIX в. была сопряжена с резким сокращением смертности, прежде всего младенческой, и плавным снижением рождаемости. Результат трансформации стал отчетливо заметен на рубеже XX в., когда

⁸ Грамши А. Монархическая традиция // Грамши А. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 425.

⁹ Меридионализм (от итал. meridione – юг) – идеологическое течение в Италии, оформившееся после завершения объединения страны и предполагавшее выработку мер по преодолению разрыва в развитии двух частей страны.

¹⁰ Del Monte A., Pennacchio L. The structure of agricultural production and the causes of brigandage and criminal organisations in Italy after Unification: theory and evidence // MPRA Paper. 2012. № 38875. P. 4.

¹¹ Грамши А. Указ. соч. С. 494; Moss L.W., Cappannari S.C. Estate and Class in a South Italian Hill Village // American Anthropologist. 1962. № 64 (2). P. 288.

¹² Del Monte A., Pennacchio L. Op. cit. P. 2.

¹³ Impicciatore R., Rettaroli R. 150 years of official population statistics in Italy // Genus. 2012. Vol. LXVIII. № 3. P. 45.

¹⁴ Del Monte A., Pennacchio L. Op. cit. P. 3.

¹⁵ Ливи Бачи М. Указ. соч. С. 17.

ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 30 лет в 1870-х годах до 45 лет в 1910 г. Суммарный коэффициент рождаемости оставался высоким на уровне около 5 детей на женщину, постепенно снижаясь в северо-западных регионах страны¹⁶. Но в целом население полуострова росло медленнее, чем в странах Европы с развитой промышленностью. Отставание было заметно и в экономических показателях: в Италии ВВП на душу населения в период 1820–1870 гг. рос на 0,6% в год по сравнению со средним показателем по Западной Европе в 1%¹⁷.

Эмиграция начала активно набирать обороты в 1870-х годах. Объективной сложностью анализа социальных процессов в XIX в. остается слабая статистическая достоверность. Первые данные о крупных зарубежных колониях итальянцев были получены в переписи 1861 г. Системное исследование итальянской эмиграции увидело свет в 1876 г. Несмотря на полуофициальный характер, оно считалась «первой попыткой статистической оценки мобильности жителей полуострова»¹⁸. Таким образом, к началу систематизированного сбора данных миграция уже стала устойчивым явлением.

В итальянском эмиграционном потоке выделялись два ключевых направления – Европа и обобщенная Америка, которые фактически поровну делили между собой накопленный в 1876–1926 гг. объем мигрантов (таблица 1). Но наиболее массовым стало трансатлантическое направление.

Таблица 1

Распределение накопленной численности итальянских эмигрантов по странам в 1876–1915 гг., %¹⁹

США	Аргентина	Бразилия	Канада	Франция	Австро-Венгрия	Швейцария	Германия	Африка
29	13	9	1	12	11	9,5	8,8	1,5

Со временем ориентиры трансатлантической миграции менялись: если с 1876 по 1890 г. основную часть итальянцев принимала Аргентина, то затем до 1897 г. с ней на равных конкурировала Бразилия. Однако с 1898 по 1914 г. большая часть мигрантов отправилась в США. Это объяснялось тем, что «индустриальная система Северной Америки привлекала итальянскую рабочую силу более выгодными условиями труда и уровнем оплаты, чем сельскохозяйственные регионы Южной Америки, где от фермера требовались длительный и терпеливый труд и где денежный эквивалент заработной платы был ниже»²⁰.

Как показывают данные, в объединенном королевстве миграция была преимущественно мужским делом: 87,5% в 1876 г. и 55,3% в 1918 г. Профессиональный состав итальянских мигрантов не был статичным и отражал основные механизмы становления глобализовавшегося рынка труда. На начальном этапе основу потока составляли сельские батраки (*braccianti*) и неквалифицированные работники. До 1903 г. сельскохозяйственные рабочие, пастухи, садовники и другие лица, занятые сельским хозяйством, составляли более 40% эмигрантов. Во время Первой мировой войны и в послевоенный период значительно возросла доля строительных профессий, квалифицированных рабочих и ремесленников. Доля домашней прислуги и лиц, не имевших профессии, также увеличивалась, что было связано с ростом числа женщин-эмигранток, особенно из южных провинций²¹.

¹⁶ *Impicciatore R., Rettaroli R.* Op. cit. P. 44.

¹⁷ *Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001. P. 186.

¹⁸ *Ratti A.M.* Italian Migration Movements, 1876 to 1926 // International Migrations. Vol. II. Interpretations / ed. W.F. Willcox. New York, 1931. P. 440.

¹⁹ Составлено по данным: *Ardeni P.G., Gentili A.* Revisiting Italian emigration before the great war: a test of the standard economic model // Quaderni – Working Paper DSE. 2013. № 907. P. 11.

²⁰ *Ratti A.M.* Op. cit. P. 450.

²¹ *Ibid.* P. 454–465.

Трансатлантическую миграцию сопровождал заметный возвратный поток. «Перелетные ласточки», как их называли, демонстрировали способность к динамичной адаптации к изменениям рынка труда. Нередко причиной возвращения домой становились семейные узы, связывавшие с родной страной. Влияние возвратной миграции по-разному проявлялось на местном уровне: «если на северо-востоке, где возвращение поощрялось и поддерживалось, было легче определить положительный эффект, то на юге, где рынок труда все еще характеризовался избыточным предложением рабочей силы, возвращавшиеся мигранты сталкивались с серьезными трудностями в поиске работы. Исследование возвратной миграции из США показало, что 19% вернулись из-за провала миграционного проекта, 40% — из-за достижения поставленных сберегательных целей, 26% вернулись на пенсию и только 16% — с намерением инвестировать в страну происхождения»²².

Рассматривая миграционную активность итальянцев, исследователи отмечают структурное разнообразие состава и направлений. С 1876 по 1886 г. основу эмиграционного потока составляли выходцы с севера Италии, которые напрямую отправлялись в соседние европейские страны. Так, если север страны был тесно связан с европейским и латиноамериканскими направлениями, то эмиграция из южных регионов была в основном трансокеанской. Каждый регион имел свои устоявшиеся каналы движения: «Аргентина и Бразилия принимали заметный процент эмигрантов из северной части Италии — Пьемонта и Венеции, наравне с выходцами южной части полуострова. В то же время в США и Канаду поток шел главным образом с Юга — из Сицилии, Кампании, Абруцци и Калабрии»²³.

Особенностью миграционной динамики в Италии стала значительная внутренняя неоднородность. Так, переселенцы первых двух десятилетий — с 1876 по 1895 г. — не были похожи на тех, кто мигрировал с 1896 по 1915 г. Отправлявшиеся в США не были похожи в экономическом и демографическом плане на тех, кто отправился в Латинскую Америку или в соседнюю Францию. При этом «сегментация по регионам исхода и направлениям мобильности была обусловлена не только дуализмом Север — Юг, но и существованием сегментированных рынков труда и потоков эмиграции. Это проявлялось и в различных мотивах переезда — в высокой доле временной эмиграции и показателях возвращения»²⁴. Важную роль играли условия стран приема, когда возможности освоения новых земель воспринимались как серьезный довод в пользу крупной инвестиции в переселение. По мере исчерпания этого ресурса увеличивалось значение городской промышленной занятости. В этом плане североамериканское направление могло вобрать в себя большой объем средиземноморской миграции. Подобная региональная характеристика связей свидетельствовала о важном влиянии диаспоры, объединявшем выходцев из одного города или провинции. «Сетевой» эффект миграции — важный фактор, влиявший на становление и расширение миграционного потока. Поддержка сообщества помогала организовать переезд, обосноваться на месте и найти работу. Зависимость миграционного потока от объема диаспоры становится самостоятельным фактором, определяющим интенсивность миграции»²⁵.

Действие «выталкивающих» факторов было более сложным, чем простой разрыв в базовых показателях, например уровня безработицы или заработной платы. В начале XX в. интенсивность миграционного потока зачастую не коррелировала с уровнем оплаты труда в стране исхода. Парадоксально, но «по мере того как разница в заработной плате начала уменьшаться, отток населения увеличивался. Итальянская эмиграция выросла с уровня 5 человек на тысячу в 1876 г. до 25 на тысячу в 1913–1914 гг., в то время как разрыв в

²² Del Boca D., Venturini A. Italian migration // IZA Discussion Paper Series. 2003. № 938. P. 16–17.

²³ Ratti A.M. Op. cit. P. 448.

²⁴ Ardeni P.G., Gentili A. Revisiting Italian emigration before the great war: a test of the standard economic model // Quaderni — Working Paper DSE. 2013. № 907. P. 29.

²⁵ Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016. С. 56.

заработной плате уменьшился или остался стабильным»²⁶. Такого рода наблюдения делали невозможной абсолютизацию какого-либо единственного фактора в рамках классической push/pull модели. Хотя разрыв в уровнях оплаты труда всегда использовался в качестве одного из важных механизмов формирования мотивации к переезду, важен совокупный эффект воздействия широкого спектра причинно-следственных связей. Каждое небольшое изменение — в демографическом балансе и брачной структуре, в отраслевом распределении занятости, кредитно-денежной системе, политической турбулентности, транспортной системе — все это влияло на миграционную активность.

ИСПАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ В ПЕРИОД ЗАКАТА ИМПЕРИИ

В Испании миграционный исход обрел очертания позднее, чем в Италии. Комплекс условий, сопутствовавших формированию массовой волны, был во многом сходным. В Испании, как и в других странах Европы, постепенно росла численность населения. Так, за XIX в. она увеличилась с 10,6 млн (1797) до 18,6 млн человек (1900)²⁷. Парадоксально, что самых высоких отметок в истории страны рождаемость достигла предположительно в 1858–1870 гг., когда суммарный коэффициент рождаемости составил 4,6 ребенка на одну женщину. Более того, уровень рождаемости в 1861–1864 гг. составлял 39,5 промилле и был одним из самых высоких в Европе. При этом общий уровень смертности испанского населения, несмотря на постепенное снижение, оставался на высоком уровне — более 30 промилле²⁸. В целом позитивная демографическая динамика сопровождалась значительными потерями в войне за независимость против Франции (1808–1814), в ходе карлистских войн 1833–1839 и 1872–1876 гг. Общие потери оценивались в 1 млн человек, к которым можно было добавить 300 тыс. жертв эпидемии холеры, вспышки которой происходили на протяжении всего столетия²⁹. Следствием тяжелых условий была невысокая продолжительность жизни, которая в 1870 г. составляла 29,7 лет. Некоторая стабилизация в сфере безопасности привела к увеличению этого показателя до 34,8 лет к 1900 г.³⁰, тем не менее он отставал от среднего уровня западноевропейских стран — 40 лет³¹. В совокупности основная причина невысокого темпа роста испанского населения во второй половине XIX в. была связана с высокими показателями смертности.

Процесс экономической модернизации начался с большим временным лагом. В 1820–1870 гг. в Испании ВВП на душу населения рос на 0,52% в год, что подчеркивало отставание не только от средних показателей западноевропейских государств, но и от Италии³². Структурные изменения проходили на фоне политической турбулентности и были сопряжены с либеральными прорывами и консервативными откатами. Политическая трансформация, начатая Кадисской конституцией 1812 г., продолжалась на протяжении всего столетия. Важной чертой процесса модернизации оставалась нестабильность базовых юридических условий, где «любое законодательное изменение в период революционных кризисов воспринималось как временное»³³.

Ключевым вопросом были формы владения и управления землей. Первым воплощением борьбы реформистских сил стало появление в 1794 г. «Доклада об аграрном законе» Гаспара Ховельяноса. Этот текст вдохновлял законодателей следующего столетия. Аграрная реформа, обозначенная в конституциях 1837 и 1845 гг., растянулась на два десятилетия. Она привела к демонтажу режима сеньориальных прав, отмене майората, новому

²⁶ Ardeni P.G., Gentili A. Op. cit. P. 6.

²⁷ Estadísticas históricas de España: siglos XIX–XX. Bilbao, 2005. P. 124.

²⁸ Ibid. P. 80, 95.

²⁹ История Испании. Т. 2. От Войны за Испанское наследство до начала XXI века. М., 2014. С. 347.

³⁰ Estadísticas históricas... P. 86.

³¹ Ibid. P. 85.

³² Maddison A. Op. cit. P. 186.

³³ История Испании. С. 349.

законодательству о договорах и аренде, ликвидации Месты³⁴ и, как следствие, налоговой реформе в 1845 г.³⁵ Важным шагом стала масштабная дезамортизация³⁶, затронувшая статус земель церковного и гражданского владения, давшая собственникам право свободного распоряжения землей. Уже к 1844 г. оказалось распродано 3/5 церковных владений³⁷. Несмотря на то что реформа была направлена на изменение структур, унаследованных от старого режима, отправной точкой реформ являлось негласное соглашение между аристократией и буржуазией, которая «имела бы свободный доступ к земельной собственности, жертвуя интересами крестьянства, которое во многих случаях яростно выражало свое несогласие»³⁸. Для крестьян отмена «сеньориальных прав привела к ликвидации огромного числа арендуемых участков земли и положила начало массовому обезземеливанию и пролетаризации крестьянства»³⁹. Тяжелые условия аренды вели к росту задолженности и утрате участков: к концу 1860-х годов безземельное крестьянство составляло 36% населения. В провинциях Кадис и Севилья доля сезонных сельскохозяйственных рабочих достигала 72%⁴⁰.

Несмотря на постепенный процесс модернизации, в стране преобладало сельское население. Социально-профессиональная структура отражала неравномерность и отстаивание промышленного развития. В период с 1870 по 1910 г. общая численность работающего населения Испании находилась в диапазоне 7,16–7,55 млн, из которых около 5–5,14 млн приходилось на первичный аграрный сектор. Занятое в нем трудоспособное мужское население оставалось стабильным на уровне 66%, в то время как доля промышленных рабочих составляла 14,4%, а относящихся к сфере услуг – 13,5%⁴¹. Это соотношение оставалось фактически неизменным вплоть до 1920 г. Несмотря на стабильное соотношение структуры занятости, постепенно развивался процесс внутренней миграции и урбанизации. Он выражался в быстром росте крупнейших городских агломераций, прежде всего Мадрида, Барселоны, Валенсии. К 1900 г. население Барселоны достигло 612 тыс. человек, Мадрида – 535 тыс., увеличившись с 1787 г. в 6 и 3 раза соответственно⁴². Остальные города также демонстрировали динамичный рост, но в абсолютных величинах они не достигли значений, сопоставимых с ведущими экономическими и политическими центрами страны. Именно в городах шел рост среднего класса, однако эта категория была неоднородна, она постепенно расширялась за счет чиновничества и других профессиональных групп. Тем не менее большая часть испанцев проживала преимущественно в сельской местности или в малых городах.

В конце XIX – начале XX в. Испания оставалась страной с плохо модернизированной аграрной экономикой и страдала от частых кризисов в сельском хозяйстве. Аграрный рост сдерживался двумя взаимосвязанными факторами: с одной стороны, крестьяне не обладали имуществом и сбережениями, стимулирующими к внедрению инноваций, а с другой – крупные собственники при наличии обильной и дешевой рабочей силы не были

³⁴ Места (Mesta) – влиятельная ассоциация дворян-овцеводов, основанная в XIII в. в Кастилии, защищавшая привилегированные права владельцев домашнего скота.

³⁵ Estadísticas históricas... P. 247.

³⁶ Дезамортизация (desamortización) – принудительная продажа наследного недвижимого имущества в Испании, находившегося под защитой феодального права. Дезамортизация распространялась на владения церкви, знати и общинные земли.

³⁷ История Испании. С. 351.

³⁸ Estadísticas históricas... P. 247.

³⁹ *Ивлева Т.Н.* Эволюция аграрной политики Испании // Латинская Америка. 2005. № 9. С. 31.

⁴⁰ История Испании. С. 368.

⁴¹ Estadísticas históricas... P. 150; *Robledo R.* Todo era América: Despoblación rural y políticas de inmigración (1850–1930) // Mundo Agrario. 2010. Vol. 10. № 20. P. 3–4.

⁴² Estadísticas históricas... P. 489.

заинтересованы в такой модернизации⁴³. Аграрный комплекс не был способен обеспечивать достаточную занятость в деревне и порождал сельскохозяйственную безработицу, являющуюся фактором вытеснения населения. Процессы внутренней мобильности существенно влияли на постепенную депопуляцию сельских районов. Хотя начавшаяся индустриализация требовала притока рабочей силы, она не могла поглотить излишек рабочей силы из деревни, создавая условия для внешней миграции.

Территориальная проекция миграционного исхода испанцев была неравномерной. Наиболее высокая активность наблюдалась в северной части Иберийского полуострова. На первом месте по числу эмигрантов была Галисия (41,8% от общего числа). Такое доминирование привело к тому, что во многих латиноамериканских странах слово «галисийский» стало синонимом испанского, всего, что происходило с Иберийского полуострова. С заметным отставанием за Галисией следовали Кастилия–Леон с 12,4%, Андалусия с 9,7% и Астурия с 9,10%. Интенсивность миграции, вычисляемая на 1000 жителей, также отличалась по регионам: наибольшая интенсивность мобильности наблюдалась на севере – в Галисии (13,3%) и Астурии (11,4%), а также на Канарских островах (8,8%)⁴⁴.

В отличие от Италии, базовая форма внешней мобильности в Испании была связана с трансатлантической миграцией в Латинскую Америку. Ее количественная оценка имела свою специфику, связанную с тем, что она велась с 1882 г. и основывалась на данных о морских пассажиропококах. Исследовательница истории миграции Б. Санчес Алонсо отмечает, что в подсчете объема потока, «речь шла о статистике пассажиров по морю, а не об эмиграции как таковой»⁴⁵. Сравнивая результаты испанской статистики в 1895–1913 гг. с данными латиноамериканских стран, она отмечала недооценку потока с испанской стороны. Несмотря на такие ограничения, можно отметить, что самые высокие показатели испанской эмиграции относятся к периоду 1905–1914 гг. За эти 10 лет из страны уехало от 1,5 до 2 млн испанцев, что составило около 12% от общего числа европейских эмигрантов, покинувших континент за тот же период (в этом потоке итальянцы и британцы составляли около 50%)⁴⁶. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, доля испанцев в межконтинентальной миграции оказывалась намного выше ее показателей в XIX в.⁴⁷

Основу миграционного потока составляли молодые одинокие мужчины: 83% потока были мужчинами в возрасте от 14 до 60 лет, но основную часть составляли молодые люди от 15 до 19 лет. Это явилось следствием высокой доли временной миграции («перелетных ласточек»), связанной с сезонной работой в сельской местности. В отличие от мужчин, женщины отправлялись за океан в более старшем возрасте, что было связано с необходимостью вступления в брак, а также тем, что эмансипация наступала после 25 лет. Большая часть одиноких эмигранток выходила замуж в Америке за своих соотечественников и редко возвращалась в Испанию, чтобы выйти замуж. Напротив, мужчины для вступления в брак обычно возвращались на родину⁴⁸. В целом для испанской миграции было характерно активное возвратное движение: из общего числа этих мигрантов 57% вернулись в Испанию⁴⁹.

В период с 1882 по 1930 г. две трети из тех, кто при посадке на корабль обозначал свою профессию, были фермерами. За ними следовали работники торговли и транспорта. Профессиональный состав зависел не столько от запроса на рабочую силу в стране

⁴³ *Clar E., Martín-Retortillo M., Pinilla V.* Agricultura y desarrollo económico en España, 1870–2000 // Documentos de Trabajo, DT–SEHA. 2015. № 1503. P. 4.

⁴⁴ *La emigración española en América: historias y lecciones para el futuro / coord. M.A. Sallé Alonso.* Madrid, 2009. P. 25.

⁴⁵ *Sánchez Alonso B.* Una nueva serie anual de la emigración española: 1882–1930 // *Revista de Historia Económica.* 1990. № 1. P. 134.

⁴⁶ *Willcox W.F.* International migrations. Vol. 1. Statistics. New York, 1929. P. 230–232.

⁴⁷ *Ibid.* P. 132–136; *Estadísticas históricas...* P. 92.

⁴⁸ *La emigración española...* P. 18–19.

⁴⁹ *Ibid.* P. 14.

назначения, сколько от предложения на испанском рынке труда того времени. По мнению исследователей, уровень образования, прежде всего грамотности, у мигрантов был выше, чем в среднем по стране. Многие умели читать, что связывали с молодым возрастом мигрантов и необходимостью подготовки проекта переезда – перепиской, оформлением документов. По прибытии это позволяло им занимать рабочие места в торговле и промышленности⁵⁰.

В континентальных латиноамериканских государствах активную роль играли миграционные агентства по контрактации работников. Их целью являлось стимулирование переселения и создания сельскохозяйственных колоний⁵¹. Наибольшие результаты были достигнуты в Аргентине и Бразилии. В этих странах имелись финансовые ресурсы, а также юридические и финансовые механизмы в виде освобождения от налогов, особенно для занятий сельским хозяйством, оплаты проезда, временного размещения, земельных концессий и т.д. Другие меры, принимаемые для привлечения мигрантов, касались осуществления конституционных гражданских прав (доступ к собственности, свобода вероисповедания, натурализация). Все это привлекало крестьян и фермеров к переселению в эти страны. Так, «освоение пространства пампы в южной части региона Буэнос-Айреса произошло в результате позднего ввода этих земель на рынок в связи с прибытием выходцев из провинции Кастилия–Леон, специализировавшихся на выращивании зерновых культур. По мере истощения запаса государственных земель на пике массовой иммиграции переселенческое движение расширялось преимущественно за счет городской занятости»⁵².

Как и в случае с Италией, устоявшиеся каналы мобильности стали функционировать как самоподдерживающаяся система. В ней действие классических «выталкивающих» факторов утрачивало свою однозначную очевидность. «Хотя испанская эмиграция была обусловлена низким уровнем жизни, по мере роста доходов интенсивность миграции увеличивалась. Рост подушевого дохода облегчил некоторым группам населения финансовое бремя расходов на переезд. Таким образом, Испания конца XIX – начала XX в. стала ярким примером позитивной связи между повышением благосостояния и ростом темпов эмиграции», – отмечала Б. Санчес Алонсо⁵³.

Важным импульсом для усиления выездных настроений стало закрепление свободы эмиграции в конституции 1869 г. Отмена ограничений стимулировала выездную мобильность. Согласно данным статистики в период с 1885 по 1904 г. основными направлениями для въезда были Аргентина, Куба и Бразилия. В общей сложности в этот период испанская эмиграция составила 977,5 тыс. человек. С 1905 по 1914 г. эти три страны сохранили доминирование с некоторым изменением в долевом соотношении (таблица 2). Максимальные значения исхода были показаны в 1907–1914 гг., суммарно они составили около 1344,2 тыс. человек⁵⁴. Остальные страны принимали незначительное число испанцев в означенный период.

Таблица 2

Основные направления эмиграции из Испании, %⁵⁵

	Аргентина	Бразилия	Куба	Другие страны
1905	47,3	17,1	31,1	4,5
1914	54,7	13	23,9	8,4

⁵⁰ Ibid. P. 20, 21.

⁵¹ Redondo Carrero E. La colonización rural con inmigrantes en Argentina a mediados del siglo XX: Un efímero impulso desarrollista alentado por el CIME // Revista de Indias. 2017. № 271. P. 824.

⁵² Robledo R. Op. cit. P. 21.

⁵³ Sánchez Alonso B. La época de las grandes migraciones: desde mediados del siglo XIX a 1930 // Mediterráneo Económico: Procesos migratorio, economía y personas. 2002. № 1. P. 25.

⁵⁴ Pérez Acevedo M. Migración española hacia América desde la perspectiva de la Cartilla del Emigrante (1910) // Historia y Memoria. 2017. № 15. P. 178–179.

⁵⁵ Составлено по данным из статьи М. Переса Асеведо (см. прим. 55).

Трансформация испанской колониальной системы сформировала в метрополии парадоксальный сплав разных режимов миграционной политики. С одной стороны, завоевание независимости континентальными латиноамериканскими государствами дало старт новому этапу мобильности, основанному на свободном выборе направления миграции. С другой стороны, сохранение Кубы в качестве последнего оплота империи продлило функционирование колониального типа миграций, что выражалось в целенаправленной политике расселения и милитаризации миграционного потока⁵⁶. Как следствие, на протяжении всего XIX в., особенно в последней его четверти, параллельно развивались сопоставимые по объему два потока с принципиально различной юридической и организационной рамкой.

Будучи территорией значительно меньшей в сравнении с государствами Южной Америки, на излете колониальной эпохи Куба притягивала около половины миграционного потока⁵⁷. Поздний колониальный период второй половины XIX в. был сопряжен с масштабным расширением сахарного производства и противодействием борьбе за независимость острова. Это усиливало милитаризованную составляющую передвижения людей из метрополии в островную колонию. Так, «за 30 лет с 1868 по 1898 г. из Испании на Кубу прибыли около 465 тыс. гражданских лиц и 535 тыс. военных, из которых около 700 тыс. окончательно осели на острове»⁵⁸.

На рубеже XIX–XX вв., когда поражение в испано-американской войне 1898 г. завершило распад империи, миграционная жизнь на острове активно развивалась. Отличительной чертой было значительное присутствие выходцев с Канарского архипелага, среди которых было много предпринимателей, торговцев, ремесленников или городских промышленников, чиновников, солдат⁵⁹.

Распад империи завершил длительный период колониационной мобильности в Испании. Дальнейшую динамику определяли социально-экономические мотивы и политика принимающих государств.

* * *

Обобщая результаты проведенного исследования миграционного движения в Италии и Испании в XIX в., можно отметить его сложную структуру и отсутствие прямой зависимости между ключевыми социально-экономическими, демографическими и политическими характеристиками и интенсивностью миграционных потоков. Несмотря на то что в странах Южной Европы численность населения росла медленнее, чем в ее западной части, эти две страны внесли важный вклад в процесс массового трансатлантического перемещения населения. Демографический фактор стал важным условием роста миграционного потока. Значимое влияние оказывала политическая нестабильность. В Италии процесс болезненного объединения привел к противостоянию аграрного Юга и индустриализированного Севера. В Испании карлистские войны и турбулентность политических режимов усугубляли социальные проблемы.

Процесс модернизации в Южной Европе проходил со значительным отставанием, что сохраняло доминирование сельского уклада. Хотя в обеих странах проводились аграрные реформы, ни одна из них не укрепила земельладельческих прав крестьян. Сельское хозяйство оставалось ключевой отраслью экономики и сферой приложения труда подавляющего числа экономически активного населения. Доминирование сельского уклада вело к сохранению малопродуктивного труда и застойной бедности. Очевидным

⁵⁶ Кудярова Н.Ю. Испания – Куба: постколониальная миграционная трансформация // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 66.

⁵⁷ Там же. С. 67.

⁵⁸ La Habana. De Colonia a Metrópoli. Madrid, 2007. P. 100.

⁵⁹ Santamaría García A. Una historia distinta, una historiografía diferenciada. Estudios recientes de los canarios en Cuba (1800–1930) // Migraciones y Exilios. 2004. № 4. P. 116.

следствием консервации отсталости стала активизация миграционного оттока из моноотраслевых районов. Демографический рост стимулировал отток людей из села из-за избытка рабочих рук и недостаточных возможностей для трудоустройства, а расширение внутренней миграции предшествовало трансокеанской мобильности.

Рассмотренные примеры Италии и Испании отмечает структурное сходство внутренних причин массовой миграции, но отличает география выбранных направлений переселения. Так, выходы из северной части Италии в основном ориентировались на государства Европы и Латинской Америки, в то время как южане — на США. Испанцы осуществляли свой выбор в иной политической ситуации: в период заката империи сосуществовали два типа мобильности — колониальный, ориентированный на Кубу, и свободный экономический, связанный с независимыми южноамериканскими государствами. На этом фоне испанцы отправлялись почти исключительно в страны Латинской Америки и лишь незначительная часть — в США.

Классическая модель анализа миграционного движения, основанная на действии «выталкивающих» и «притягивающих» факторов, лишь отчасти помогает установить причины массового исхода из Южной Европы. Очевидно, что нерешенность аграрного вопроса, рост численности населения и отставание модернизации усиливали действие «выталкивающих» факторов. В то же время в новых государствах Латинской Америки и США многие видели для себя новые возможности.

Библиография / References

- Грамши А. Монархическая традиция // Грамши А. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 422–426.
- Ивлева Т.Н. Эволюция аграрной политики Испании // Латинская Америка. 2005. № 9. С. 30–41.
- История Испании. Т. 2. От Войны за Испанское наследство до начала XXI века / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2014.
- История Италии. Т. 2 / отв. ред. С.Д. Сказкин. М., 1970.
- Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016.
- Кудеярова Н.Ю. Испания – Куба: постколониальная миграционная трансформация // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 63–76.
- Кудеярова Н.Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. 2017. № 2. С. 76–91.
- Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб., 2010.
- Collier P. Iskhod: kak migratsiia izmeniaet nash mir [Exodus: How Migration is Changing Our World]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Gramsci A. Monarkhicheskaia traditsiia [Monarchical Tradition] // Gramsci A. Izbrannye proizvedeniia [Selected Works]. Moskva, 1957. S. 422–426. (In Russ.)
- Istoriia Ispanii. T. 2. Ot Voiny za Ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka [History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession to the beginning of the 21st century] / отв. ред. О.В. Волосюк. Moscow, 2014. (In Russ.)
- Istoriia Italii [History of Italy]. T. 2. / отв. ред. S.D. Skazkin. Moskva, 1970. (In Russ.)
- Iyleva T.N. Jevoljucija agrarnoy politiki Ispanii [Evolution of the Spain agrarian policy] // Latinskaya Amerika [Latin America]. 2005. № 9. S. 30–41. (In Russ.)
- Kudeyarova N.Yu. Epokha massovykh migratsii v Latinskoy Amerike: globalizatsiya vs lokalizatsiya [The Mass Migration Epoch in Latin America: globalization vs. localization] // Latinskaya Amerika [Latin America]. 2017. № 2. S 76–91. (In Russ.)
- Kudeyarova N.Yu. Ispaniya – Kuba: postkolonial'naya migratsionnaya transformatsiya. [Spain – Cuba: postcolonial migration transformation] // Latinskaya Amerika [Latin America]. 2018. № 8. S. 63–76. (In Russ.)
- Livi Bacci M. Demograficheskaja istoriia Evropy [Demographic history of Europe]. Sankt-Peterburg, 2010. (In Russ.)
- Ardeni P.G., Gentili A. Revisiting Italian emigration before the great war: a test of the standard economic model // Quaderni – Working Paper DSE. 2013. № 907. P. 1–38.
- Impicciatore R., Rettaroli R. 150 years of official population statistics in Italy // Genus. 2012. Vol. LXVIII. № 3. P. 43–62.
- La emigración española en América: historias y lecciones para el futuro / coord. Sallé M.A. Alonso. Madrid, 2009.
- La Habana. De Colonia a Metrópoli / ed. Ponce Herrero G. Madrid, 2007.

La población de Argentina. CICRED – INDEC, Serie Investigaciones Demográficas. № 1. Buenos Aires, 1975.

Lee E. Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. P. 47–57.

Maddison A. The World Economy: a Millennial Perspective. Paris, 2001.

Moss L.W., Cappannari S.C. Estate and Class in a South Italian Hill Village' // American Anthropologist. 1962. № 64 (2). P. 287–300.

Pérez Acevedo M. Migración española hacia América desde la perspectiva de la Cartilla del Emigrante (1910) // Historia y Memoria. 2017. № 15. P. 169–201.

Ratti A.M. Italian Migration Movements, 1876 to 1926 // International Migrations. Vol. II. Interpretations / ed. W.F. Willcox. New York, 1931. P. 440–470.

Redondo Carrero E. La colonización rural con inmigrantes en Argentina a mediados del siglo XX: Un efímero impulso desarrollista alentado por el CIME // Revista de Indias. 2017. № 271. P. 823–851.

Ribas Mateos N. Una invitación a la sociosociología de las migraciones. Barcelona, 2004.

Robledo R. Todo era América: Despoblación rural y políticas de inmigración (1850–1930) // Mundo Agrario. 2010. Vol. 10. № 20. P. 1–27.

Sánchez Alonso B. La época de las grandes migraciones: desde mediados del siglo XIX a 1930 // Mediterráneo Económico: Procesos migratorio, economía y personas. 2002. № 1. P. 19–32.

Sánchez Alonso B. Una nueva serie anual de la emigración española: 1882-1930 // Revista de Historia Económica. 1990. № 1. P. 133–170.

Santamaría García A. Una historia distinta, una historiografía diferenciada. Estudios recientes de los canarios en Cuba (1800–1930) // Migraciones y Exilios. 2004. № 4. P. 115–132.

Vidal Rodríguez J.A. La inmigración española en Cuba durante la primera ocupación militar norteamericana (1899–1902): El control del mercado laboral // Migraciones y Exilios. 2004. № 4. P. 31–49.